
МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Г.Ф.Коробкова, М.Д.Джуракулов

**САМАРКАНДСКАЯ СТОЯНКА КАК ЭТАЛОН ВЕРХНЕГО
ПАЛЕОЛИТА СРЕДНЕЙ АЗИИ**

**(специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной
деятельности)**

G.F.Korobkova, M.D.Djurakulov. The Site of Samarkand as a Model of the Upper Palaeolithic in the Middle Asia (Peculiarities of Chipping Technique and Economic Activities)

The publication by G. F. Korobkova and M. D. Djurakulov reveals the results of the complex research of the upper cultural layer of the Samarkand's site. It is the key-site for the Central Asia Upper Palaeolithic. Since 1939 when N. G. Harlamov discovered the site, it has become an object of the intense studies of archaeologists, geologists, palaeontologists, polynologists and other scientists. It was M. V. Voevodskiy who stood at the beginning of the site research. Further research of the site is connected with the name of D. N. Lev, who carried out the excavations there from 1958 till 1967. The publication of the excavations results and the interpretation of their cultural and chronological position appeared as the result of his research. The proven character of the site as a multilayered object, the richness and the peculiarities of the materials made it the key site for Central Asia and the adjacent areas.

Three or partly four levels of habitation are represented on the lower terrace, following the opinions of the geologists (Nesmeyanov 1980). The area of 800 sq. m. is excavated on the lower terrace. The next excavations done in 1967–72 by M. D. Djurakulov and E. N. Amartzeva fixed the older horizon connected with the lower sediments of the upper terrace.

The peculiarity of the Samarkand's site industry is manifested in the combination of the crude Mousterian elements of the previous epoch and the progressive traits of Upper Palaeolithic as the innovations. Present together with pebble-tools (choppers, chopping-tools, side-scrapers, axes, hews, discoid and of Levallois type cores) are burins, grooved-tools, gouges, microscrapers (round and of end-type), chisels, microcores and other artefacts.

All of it provoked different opinions concerning the age and the interpretation of the assemblage. Several researchers (D.N.Lev, P.Pefimenko, P.I.Boriskovskiy and some others) dated the Samarkand's site to 40 000 b. p. The others (V.A.Ranov, S.A.Nesmeyanov, G.F.Korobkova) supposed a date within the second half of Upper Palaeolithic, about 20 000 b. p. The recent excavations in the upper terrace made several corrections in the dating and in the interpretation of the site. First of all, the lower layer of the upper terrace gave the earliest materials. They are not numerous, but we have to use them, because a new excavation of the site is impossible now. Second, all the area of the site was not inhabited at the same time. The upper terrace (the level of lower horizon) was settled first and then were settled the lower terrace and the upper levels of the upper terrace. Third, a stable and flourishing production – chipping of stone and stone tools production, cutting of the carcasses of killed animals, preparation of skins and wood works were fixed on the area of the site by the methods of traceology. The high percentage of the tools (25,8 %) and their strong utilisation enabled a suggestion that Samarkand's site was a base camp of steppe-and-desert hunters for wild horse, ass and aurochs. The abundance of the local raw materials was reflected in the dissipated nature of stone chipping and tools production.

The reference of some scholars to the similarities between the Samarkand's site and the sites of Malta-Buret culture and also some Yenisei area sites is not adequate. The similarities can be explained rather as epochal and regional ones, which looked as a contribution to the Upper Palaeolithic mode. We can't ignore also the fact that all of the sites in comparison are from the same large common sphere of the Asian-Siberian Upper Palaeolithic cultures.

Введение

В настоящее время на территории Средней Азии открыто более 200 пещер, стоянок открытого типа и местонахождений с подъемным материалом, датированных эпохой палеолита. Вместе с тем состояние их изученности оставляет желать лучшего. На огромном пространстве среднеазиатского региона наибольшая концентрация палеолитических комплексов зафиксирована в районе среднего течения р. Зеравшан и на юго-востоке в районе предгорий и отрогов Памира и Тянь-Шаня. Если взглянуть на

палеолитическую карту Средней Азии, можно заметить крайне неравномерную изученность памятников этого исторического периода, разбросанных по всей территории в виде редких, разрозненных или сгруппированных точек, разделенных огромными белыми пятнами, не затронутыми исследованиями. Есть и вторая причина столь редко встреченных памятников эпохи палеолита. Последние исключительно трудно обнаружить из-за действия водных потоков и накопления аллювиальных и делю-

виальных слоев в период активности хвалынской трансгрессии (около 10 тыс. лет тому назад), когда уровень моря поднялся почти на 40 м по сравнению с современным. В этом плане особенно слабо изучены верхнепалеолитические комплексы с их ярко выраженной спецификой. Среди них только около 20 стратифицированных памятников сохраняют культурные слои в непотревоженном виде. Как правило, это многослойные стоянки или пещеры, представленные выразительными и менее яркими археологическими комплексами. Однако большая часть верхнепалеолитических памятников представлена небольшими местонахождениями с разбросанными по поверхности находками. В лучшем случае последние образуют отдельные скопления, насыщенные каменными артефактами, которые хотя и потревожены, но их перетолженность не выходит за границы локализованной концентрации. Кроме того, несмотря на малочисленность верхнепалеолитических памятников в среднеазиатском регионе, получение информации о них усложняет слабая публикация материалов, отсутствие в большинстве случаев палеозоологических и палинологических данных, радиоуглеродных датировок, стратиграфии. Все это обедняет наши представления о культурогенетическом и палеоэкономическом содержании исследуемых верхнепалеолитических комплексов.

Первые свидетельства о находках эпохи палеолита относятся к 30-м годам XX в., когда благодаря поискам местных краеведов, геологов и известных археологов стали известны такие памятники, как Самаркандская стоянка, пещера Тешик-Таш и др. Позднее, в годы Великой Отечественной войны и особенно в послевоенные годы палеолитическая карта Средней Азии пополнилась открытыми местонахождениями и мастерскими на Красноводском полуострове. Это мастерская Янгаджа 2, местонахождение на 39-40 км у колодца Куртки, пещера Дам-Дам-Чешме, нижний 9-й слой которой содержал материалы финального палеолита. Начались систематические исследования Самаркандской стоянки (Лев 1960а; 1960б; 1961; 1964). Появились первые сводные публикации, отражающие состояние изученности палеолитических памятников среднеазиатского региона (Окладников 1966; Лев 1967; Ранов, Несмеянов 1973; Ташкенбаев, Сулейманов 1980; Абрамова 1984; Джуракулов 1987; Вишняцкий 1996) и методологические подходы в решении культурогенетических вопросов (Вишняцкий 1989). Особое место заняли работы историографического плана, охватывающие все периоды исследования палеолитических комплексов Средней Азии. Это кандидатская диссертация М. Д. Джуракулова (1966), подробная сводка В. А. Ранова (1968а).

По опубликованным данным число мустьерских памятников значительно увеличилось, чего не скажешь о верхнепалеолитических, которые

лишь слегка пополнились новыми стоянками. Вслед за открытием Самаркандской стоянки (Лев 1964) последовали раскопки многослойного памятника Кульбулак, верхние комплексы которого (1-3 слои) дали верхнепалеолитический материал (Касымов 1972). Материалы этого времени содержали 1-2 слои стоянки Шугноу (Ранов 1973), верхние горизонты Кутурбулака (Ташкенбаев, Сулейманов 1980), Зирабулака (Гречкина 1990), грота Обирахмат (Сулейманов 1968; 1972) и другие. Аналогичная картина редкого распространения верхнепалеолитических памятников наблюдается в Афганистане, где известна стоянка Кара-Камар с очень бедным инвентарем (Davis 1978).

По сравнению с другими отдаленными регионами, где стоянки верхнего палеолита намного превосходят в количественном отношении мустьерские, в Средней Азии сложилась иная ситуация, созвучная с таковой на территории Крымского полуострова, где верхнепалеолитические комплексы заметно уступают в количестве мустьерским. Эта картина усугубляется еще и тем, что в Средней Азии нет сходных между собой памятников, образующих какие-то технико-типологические группы, столь они разнообразны. На этом фоне выгодно выделяется (как исключение) группа стоянок Самаркандской впадины, объединяющая собственно Самаркандскую стоянку и еще два соседних памятника Сиабча и Ходжамазгиль (Ташкенбаев, Сулейманов 1980). Естественно такая группировка позволяет получить более полноценную информацию о культурологической и палеоэкономической значимости данного локального образования. Несмотря на разрозненность, разбросанность и своеобразие верхнепалеолитических памятников Средней Азии, можно заметить, что их объединяет одна общая особенность, отмеченная многими авторами. Это наличие мустьерских элементов в верхнепалеолитических индустриях Самаркандской впадины, 1-3 слоях Кульбулака, 1-2 горизонтах Шугноу и Казахской Карасу (Алпысбаев 1960; 1979; Таймагомбетов 1990а; 1990б; Вишняцкий 1993), что проявилось в типологии орудий и технике расщепления (Джуракулов 1987: 5; Вишняцкий 1996: 172).

Среди верхнепалеолитических комплексов среднеазиатского региона несколько особняком стоит стоянка Ходжа-Гор с ярко выраженными чертами этой эпохи при отсутствии элементов предшествующего периода (Окладников 1958а; 1959). В коллекции представлены призматические нуклеусы, разнообразные по форме скребки, острия на удлиненных пластинах с одним выпуклым ретушированным боковым краем и граветтоидного облика, проколки, пластинки с ретушью, отщепы и другие изделия, выполненные только из кремня. Однако отмеченная специфика индустрии Ходжа-Гор объясняется более поздним возрастом памятника, опреде-

ляемым финальным палеолитом, по сравнению с другими верхнепалеолитическими комплексами Средней Азии. В. А. Рановым был даже выделен ходжагорский вариант верхнего палеолита Средней Азии (1972). А. А. П. Окладников и В. А. Ранов усмотрели связи этой стоянки с верхнепалеолитическими комплексами капсийского облика.

Столь же отличны и верхнепалеолитические стоянки западной части Средней Азии: мастерская на 39–40 км у колодца Куртки (Окладников 1949; 1951; 1953), 9-й слой пещеры Дам-Дам-Чешме (Марков 1966), тяготеющие к переднеазиатскому кругу памятников. Что касается мастерской Янгаджа II, расположенной на Красноводском полуострове, собранные там с поверхности материалы концентрировались у подножия останцов рыхлых отложений на площади около 100 м². Они содержали нижне- и позднепалеолитические находки (Окладников 1966). Последние А. П. Окладников сравнивал с аналогичными изделиями из наиболее ранних верхнепалеолитических памятников Палестины. В. А. Ранов объединил Янгаджу II в одну группу с пещерой Кара-Камао в Афганистане (1972), хотя данных для такого объединения явно недостаточно.

Трудность и сложность культурологической интерпретации верхнего палеолита среднеазиатского региона состоит еще и в том, что специфика индустрии не находит близких аналогий с синхронными памятниками соседних ареалов. Ссылки на материалы 3-го слоя Кара-Камао и Ак-Купрука не убедительны. Да и сам автор — В. А. Ранов — в свое время отмечал отсутствие каких-либо связей с верхним палеолитом Передней Азии и барадостской культурой (1978).

В последние годы все больше исследователей проводят параллели между среднеазиатскими памятниками и синхронными комплексами Казахстана и Сибири. Это отмечали А. П. Окладников (1968б), С. Н. Астахов (1966), В. А. Ранов (1965; 1970), З. А. Абрамова (1975), Д. Н. Лев (1967), Ю. П. Холюшкин и В. А. Холюшкина (1975), М. Д. Джуракулов (1987) и другие, объясняя сходство генетическими и этническими контактами. Однако есть и оппоненты высказанной гипотезе, полагающие, что сравниваемые памятники по своим основным характеристикам скорее различны, чем сходны, так же, как и различно соотношение отдельных категорий орудий (Аникович 1976). Было высказано предположение о параллельном пути развития позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии, независимо друг от друга (Холюшкин 1981). По мнению Ю. П. Холюшкина, некоторые черты сходства, наблюдаемые между памятниками верхнего палеолита Средней Азии и Сибири, объясняются, с одной стороны, общим совпадением уровня развития археологических культур и, с другой, — одинаковым образом жизни. Нельзя снимать со счетов эпохальное и региональное сходство, конвергентно возникшее

на обширной территории Средней Азии и Сибири. На конвергентное развитие культур обоих регионов указывал еще В. А. Ранов (1972), который в то же время не исключал и непосредственные контакты, сложившиеся между ними в виде миграций, генезиса, взаимовлияний и диффузии.

На основе обобщения результатов изучения верхнего палеолита Средней Азии В. А. Рановым были выделены три технических варианта позднепалеолитических культур (Ранов, Несмеянов 1973: 25–26). Это каракамарский (ориньякоидного типа), объединяющий Янгаджу и Кара-Камао с идентичными скребками высокой формы; ходжагорский (переднеазиатского типа), включающий одноименную стоянку и Кизил-Лай и характеризующийся остриями типа граветт, концевыми и миниатюрными округлыми скребками, проколками, микроостриями и другими изделиями, и самаркандский, куда входят стоянки Самаркандской впадины с массивными пластинчатыми и обычными отщепами, галечными орудиями, грубыми нуклеусами, в основном выполненными из галек и др. О преждевременности и неубедительности выделения первых двух вариантов мы уже писали. Что касается третьего — он вполне закономерен. Убедительно звучит и мнение исследователей об особенностях среднеазиатского верхнего палеолита, не имеющего ничего общего ни с Европой, ни с Ближним Востоком (Абрамова 1979а; 1979б; Джуракулов 1987: 5). И в то же время Самаркандскую верхнепалеолитическую стоянку объединяет с азиатскими синхронными памятниками присутствие архаических элементов в технике расщепления и составе орудий (Джуракулов 1987: 5). Трудность разделения мустьерских и верхнепалеолитических памятников среднеазиатского региона состоит в том, что они не имеют четких различий даже по материалам многослойных, в том числе переходных от мустье к верхнему палеолиту стоянок, настолько плавное развитие претерпевали палеолитические культуры (Джуракулов 1987: 105). Вместе с тем, несмотря на сочетание архаических мустьерских и новых прогрессивных верхнепалеолитических элементов в индустрии Самаркандской стоянки, исследователь склонен рассматривать ее как единое целое, отражающее специфику верхнего палеолита Средней Азии (Джуракулов 1987: 108, 109).

Такова сложная картина изучения верхнего палеолита Средней Азии и Самаркандской стоянки в частности. И несмотря на тщательный скрупулезный анализ материалов, проведенный в свое время Д. Н. Левом (1964; 1967) и М. Д. Джуракуловым (1967; 1992), трактовка ряда культурологических вопросов остается спорной. И виной в этом особая специфика индустрии исследуемого памятника, малочисленность самих верхнепалеолитических комплексов и, особенно, их поразительное несходство.